

**Миклашевский Александр Николаевич**

## **Деньги**

**Опыт изучения основных положений  
экономической теории классической  
школы в связи с историей денежного  
вопроса**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 33  
ББК 65  
А46

А46     **Александр Николаевич М.**  
Деньги: Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы  
в связи с историей денежного вопроса / Миклашевский Александр Николаевич – М.:  
Книга по Требованию, 2024. – 743 с.

**ISBN 978-5-519-96427-2**

**ISBN 978-5-519-96427-2**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## О Т Ъ   А В Т О Р А .

Настоящій трудъ написанъ мною во время пребыванія за границей съ ученою цѣлью въ 1892—4 г. Еще на Университетской скамѣ я началъ заниматься денежными вопросами и въ 1888 г. представилъ Юридическому факультету изслѣдованіе о бумажныхъ деньгахъ, часть котораго (въ видѣ двухъ главъ: 8-й и 9-й) вошла и въ настоящій трудъ, но, однако, въ совершенно измѣненномъ и переработанномъ видѣ. Въ представленномъ тогда изслѣдованіи заключалась весьма подробно разработанная исторія одного только ассигнаціоннаго обращенія и теорія бумажныхъ денегъ. Въ настоящемъ трудѣ я воспользовался для указанныхъ двухъ главъ только небольшою частью собраннаго тогда матеріала и во многихъ отношеніяхъ измѣнилъ даже самую аргументацію. Еще тогда въ 1888 г. мнѣ приходилось постоянно убѣждаться, что правильное построеніе денежной теоріи возможно только на почвѣ единой и послѣдовательно проведенной теоріи цѣнности. Продолжая свои занятія въ этомъ направленіи и за границу, я все болѣе укрѣплялся въ мысли, что классическая школа вѣрно, но, быть можетъ, нѣсколько неполно и неточно, намѣтила общія начала той теоріи цѣнности, которая объясняетъ намъ, какъ сущность денежнаго хозяйства, въ условіяхъ котораго мы живемъ, такъ и тѣ главнѣйшія основанія, на которыхъ должна быть построена разумная денежная политика.

Денежное дѣло всегда составляло одну изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ сторонъ экономической теоріи и политики. Классическая школа положила здѣсь прочныя основанія и ея положенія

служать и до сихъ поръ главнымъ предметомъ всѣхъ споровъ. Несмотря на ожесточенную критику, по нашему мнѣнію, многое изъ этихъ положеній должно быть сохранено, какъ величайшее приобрѣтеніе науки въ XIX вѣкѣ. Не то въ другихъ отношеніяхъ. Философскія и этическія начала этой школы окончательно поколеблены, какъ исторической, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ школъ. Я рѣшился, поэтому, въ настоящемъ изслѣдованіи, воспользовавшись подлинными трактатами важнѣйшихъ представителей классической школы и богатѣйшими по содержанію англійскими парламентскими отчетами по денежному дѣлу, дать анализъ основныхъ положеній этой школы въ связи съ исторіей тѣхъ споровъ, которые были вызваны вопросомъ объ организаціи денежнаго дѣла. Я все болѣе и болѣе во время моихъ занятій приходилъ къ убѣжденію, что въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ все связано неразрывно, даже построеніе правильной денежной политики возможно лишь при томъ или иномъ пониманіи истинныхъ философскихъ и этическихъ началъ общей экономической теоріи, которая составляетъ существеннѣйшую часть социологическихъ изслѣдованій вообще. Вполнѣ соглашаясь съ однимъ изъ видныхъ молодыхъ англійскихъ представителей исторической школы W. Ashley \*) я полагалъ, какъ и онъ, что «все болѣе увеличивающееся число представителей исторической школы держится того убѣжденія, что нынѣ невозможно удовлетворяться построеніемъ общихъ формулъ относительно отношеній индивидуумовъ во всякомъ данномъ обществѣ, которыя подобны старымъ «законамъ» ренты, прибыли и заработныхъ платъ; представители этой школы полагаютъ, что они обязаны работать надъ открытіемъ законовъ соціальнаго развитія... и убѣждены, что наука даетъ имъ возможность не только знать прошедшее, но и лучше понимать всѣ затрудненія настоящаго». Исходя изъ такого убѣжденія я не ограничился однимъ анализомъ денежной теоріи классичес-

---

\*) См. An Introduction to English Economic History, preface. L. 1892.

кой школы, но коснулся также ея философскихъ и этическихъ началъ и глубоко сожалѣю, что недостатокъ мѣста и времени не далъ мнѣ возможности еще ближе коснуться самой экономической исторіи. Оставаясь ревностнымъ поклонникомъ историко-этического направленія, я вездѣ старался соединить теорію съ политикой.

Работая надъ своимъ трудомъ за границей, я не пылъ возможности воспользоваться многими изъ прекрасныхъ русскихъ трудовъ и заранее прошу извиненія у отечественныхъ ученыхъ, труды которыхъ я не отмѣтилъ или даже совсѣмъ не воспользовался ими. Сознавая всѣ недостатки своего труда, я не безъ колебаній воспользовался лестнымъ для меня разрѣшеніемъ юридическаго факультета, которому приношу здѣсь мою глубочайшую благодарность, печатая это изслѣдованіе въ «Университетскихъ Запискахъ» и, рѣшаясь назвать свой трудъ только опытомъ, жду отъ критики снисходительнаго отношенія. Мною руководило одно стремленіе: желаніе содѣйствовать хотя бы нѣкоторому разъясненію сложнѣйшихъ явленій денежнаго хозяйства.

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить моимъ учителямъ А. И. Чупрову и И. И. Янжулу мою душевную признательность за все, сдѣланное ими для меня. Ихъ заботы, указанія, совѣты и поддержка навсегда останутся въ моей памяти. И. И. Янжулу и его супругъ Е. Н. Янжулъ я обязанъ еще особой благодарностью; у нихъ я всегда находилъ дружескій привѣтъ и поддержку во всѣ тѣ минуты, когда энергія и бодрость временами оставляли меня. В. А. Легонину приношу также глубочайшую благодарность за то содѣйствіе, которое онъ неизмѣнно мнѣ оказывалъ.

*Александръ Миклашевскій.*

Москва,  
19 февраля 1895.

---



## Г Л А В А I.

### В В Е Д Е Н І Е.

#### Политическая Экономія и естественные законы.

Никогда, быть можетъ, общественная наука не пріобрѣтала такого значенія, какъ въ настоящее время. Въ процессѣ историческаго развитія жизнь человѣчества такъ усложнилась, что каждая отдѣльная личность своими единичными силами рѣшительно не въ состояніи разобратъся въ той сложной путаницѣ мнѣній, стремленій и отношеній, которыя ее окружаютъ. Великая сила пониманія, приспособленія и изобрѣтательности сдѣлала изъ человѣка царя природы, но не своими единичными силами онъ достигъ тѣхъ результатовъ, которые составляютъ предметъ удивленія всѣхъ и каждого. Предоставленный самому себѣ человѣкъ представляетъ слабое, беспомощное существо; какъ членъ великаго цѣлаго человѣчества — онъ, напротивъ, дѣйствительно становится царемъ природы и можно думать, что власть его надъ послѣдней съ теченіемъ времени возрастетъ еще болѣе.

Человѣкъ всегда какъ-бы инстинктивно стремился къ общенію, не отдавая себѣ даже яснаго отчета въ томъ, принесетъ-ли оно ему какія-нибудь выгоды или нѣтъ. Нынѣ, наблюдая за ходомъ исторической жизни, невольно приходишь къ убѣжденію, что это стремленіе къ общенію, становясь все сознательнѣе, дѣлается въ то-же время и болѣе интенсивнымъ во имя разумнаго пониманія общихъ интересовъ. Взаимная связь людей увеличивается и на ряду съ этимъ человѣчество дѣлаетъ все большіе успѣхи. Современный человѣкъ составляетъ часть какого-то общественнаго механизма или коопераціи. Человѣчество представляется намъ въ

видѣ обшпрѣйшей мастерской, въ которой каждый выполняетъ свою функцію. Люди одновременно работаютъ, обмѣниваются и всячески воздѣйствуютъ другъ на друга. Раздѣленіе и специализація труда составляютъ основную и характерную черту этой коопераціи и каждый ея членъ, выполняя только одну какую-нибудь функцію, получаетъ тѣмъ не менѣе возможность удовлетворять многообразнымъ своимъ потребностямъ и одновременно съ тѣмъ работаетъ надъ великимъ дѣломъ усовершенствованія всего человѣчества.

Трудно представить себѣ что-нибудь поразительнѣе этого зрѣлища. неустанной работы безчисленнаго множества обособленныхъ и независимыхъ личностей, поставленныхъ въ самыя разнообразныя положенія и одаренныхъ различными характерами и способностями. Чьи-то трудолюбивыя руки создаютъ громадное скопленіе товаровъ, эту матеріальную основу нашей цивилизаціи, и всякій при посредствѣ особаго процесса обмѣна беретъ изъ этого запаса то, что ему необходимо.

Земледѣлецъ распахиваетъ и засѣваетъ свою ниву, чтобы затѣмъ старательно собрать урожай, ремесленникъ цѣлые дни проводитъ въ своей подѣ-часъ душевой мастерской, фабрикантъ при помощи цѣлой массы рабочихъ и сложнѣйшихъ машинъ вѣчно торопится наготовить и сбыть множество разныхъ товаровъ, а торговецъ забирается въ отдаленнѣйшія страны свѣта для сбыта закупленнаго имъ.

Богачъ и бѣднякъ какъ-то уживаются рядомъ въ этой сложной системѣ. И такъ одни поколѣнія смѣняются другими и каждое изъ нихъ передаетъ слѣдующему свои запасы матеріальныхъ и духовныхъ благъ. Люди въ процессѣ исторической жизни не только научаются знать, что ихъ окружаетъ, но и стремятся создать какой-то порядокъ. Они хотятъ, повидимому, чтобы движеніе въ ихъ общественномъ механизмѣ совершалось ровпо, быстро, все усложнялось и ускорялось. Наше удивленіе предъ этой организаціей возрастетъ еще болѣе, или мы согласимся съ тѣми писателями, которые, какъ напримѣръ Гербертъ Спенсеръ, характеризуютъ это движеніе, какъ «постоянное видоизмѣненіе отъ неопредѣленной и безсвязной однородности къ опредѣленной и соединенной разнородности».

Является настоятельная потребность разобраться во множествѣ вопросовъ: что за причина и каково направленіе этого удивительнаго движенія, какое положеніе занимаетъ въ немъ отдѣльная личность и что неумолимо приковываетъ ее къ общенію съ другими людьми? Отвѣтить на всѣ эти вопросы, безъ сомнѣнія, не легко. Трудно умѣть наблюдать и понимать совершающееся на нашихъ глазахъ. Обыкновенно мы такъ свыкаемся съ обычными явленіями дѣйствительности, что они почти не обращаютъ на себя нашего вниманія. Богатство и бѣдность напр. существуютъ чуть-ли не съ колыбели человѣчества. Много-ли найдется людей, которые сумѣютъ намъ объяснить и указать причины этого существованія бѣдныхъ на ряду съ богатыми и дадутъ отвѣтъ на вопросъ, зависѣло-ли существованіе бѣдности всегда отъ однѣхъ и тѣхъ-же причинъ или во всякій періодъ появленія ея вызывалось своеобразными условіями? Кто объяснитъ намъ, почему изъ кажущейся путаницы отношеній, изъ подъ-часъ не планомѣрной и разнообразной по цѣлямъ дѣятельности личностей получается нѣчто разумное и цѣлесообразное?

Только общественная наука можетъ намъ разъяснить эти вопросы. Жизнь человѣка коротка и силы его, какъ умственные, такъ и тѣлесныя слишкомъ слабы, чтобы онъ могъ непосредственно разобраться въ окружающемъ его мірѣ. Но жизнь человѣчества безконечна и то, что пріобрѣтается однимъ человѣкомъ не пропадаетъ безслѣдно. Истины и справедливыя сужденія, открытыя или высказанныя въ процессѣ незамѣтной работы цѣлаго множества менѣе сильныхъ людей и добытыя цѣною крайнихъ и долгихъ усилій наконецъ приводятся въ порядокъ силою ума какой-нибудь крупной личности, а затѣмъ мало-помалу становятся достояніемъ всѣхъ. Языкъ и письмо — вотъ тѣ великія орудія, благодаря которымъ знаніе и опытъ предшествовавшихъ поколѣній не исчезаютъ безслѣдно. Всякая личность, по удачному выраженію Адама Мюллера <sup>1)</sup>, можетъ на своемъ національномъ языкѣ, этомъ хранителѣ мудрости знанія и здраваго смысла народа, передать эти свойства не только своимъ соплеменникамъ, но и всему человѣчеству. Совокупность высказанныхъ

---

<sup>1)</sup> См. Die Elemente der Staatskunst (1809).

и записанныхъ мнѣній, теорій и фактовъ составляетъ матеріалъ, надъ которымъ работаетъ общественная наука при изученіи прошедшихъ и настоящихъ условій жизни человѣчества. Съ теоретической точки зрѣнія, быть можетъ не слѣдовало-бы даже говорить о раздѣленіи общественныхъ наукъ, которыя въ своей совокупности имѣють своимъ предметомъ, какъ при посредствѣ указаннаго историческаго матеріала, такъ и при помощи непосредственнаго наблюденія и самопознанія, изученіе человѣка, какъ дѣйствующаго субъекта и измѣняющагося объекта. Но съ практической стороны изученіе даже одной изъ областей общественной науки, зачастую, представляетъ почти непреодолимые затрудненія. Является потребность въ спеціализаціи и разчлененіи труда и въ этой области и для нея мы можемъ найти прочныя научныя основанія. Еще Д. С. Милль <sup>1)</sup> доказалъ, что несмотря на несомнѣнно существующій «consensus» всѣхъ общественныхъ явленій и фактовъ, разные роды ихъ въ главныхъ чертахъ и въ первомъ источникѣ зависятъ непосредственно отъ разныхъ родовъ причинъ, а слѣдовательно, «не только могутъ, но и должны быть изучаемы отдѣльно». Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, признавая, что каждая изъ общественныхъ наукъ можетъ, какъ говорилъ Рославскій <sup>2)</sup>, «отличаться независимымъ бытіемъ и дышать собственною жизнью», представляется все-таки необходимымъ немедленно же отмѣтить, что принадлежность ихъ къ одной общей и высшей наукѣ-соціологіи налагаетъ на каждую отдѣльную отрасль своеобразную окраску. Общественная наука въ ея цѣломъ должна, по нашему мнѣнію, не только стремиться къ познанію существовавшихъ и наличныхъ условій жизни человѣчества, но и тѣхъ будущихъ, при которыхъ все человѣчество, какъ совокупность разнородныхъ, но не враждебныхъ національностей, могло-бы пользоваться наибольшимъ просвѣщеніемъ, порядкомъ, благосостояніемъ и счастьемъ. Историкъ, изучая прошлое, собираетъ матеріалы для рѣшенія вопросовъ настоящаго и будущаго, юристъ занимается опредѣленіемъ законныхъ правъ личности и старается наилучшимъ образомъ ихъ обезпечить, по-

---

<sup>1)</sup> Милль Логика. т. II. Л. правственныхъ наукъ.

<sup>2)</sup> См. А. Рославскій. Руководство къ Статистикѣ. Харьковъ. 1844.

литическая философія работаетъ надъ изслѣдованіемъ формъ управленія, статистикъ собираетъ данныя, освѣщающія положеніе государствъ и народовъ и наконецъ та наука, изслѣдованіе одного изъ предметовъ которой составитъ задачу настоящей работы старательно изучаетъ вопросъ о матеріальномъ благосостояніи или богатствѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ самому предмету нашего изслѣдованія, мы считаемъ нужнымъ остановиться на изученіи самого существа той науки, которая, какъ мы сказали, занимается вопросами народнаго благосостоянія и обыкновенно носитъ названіе Политической экономіи. Эта наука въ новѣйшее время пережила эпоху тяжелаго кризиса и теперь экономисты начинаютъ работать надъ изученіемъ ея вопросовъ съ точки зрѣнія, которая глубоко отличается отъ прежней. Сообразно съ выработавшейся у насъ точкой зрѣнія мы своеобразно построили и наше изслѣдованіе и для читателя могло-бы представиться много неясностей, если-бы мы опустили это введеніе.

Вотъ уже цѣлое столѣтіе идетъ споръ о томъ, что можетъ дать намъ Политическая экономія; открываетъ ли она нѣчто подобное неумолимымъ физическимъ законамъ природы или же всѣ ея положенія лишены абсолютнаго значенія, носятъ печать относительности, личнаго вліянія и времени. Въ послѣднее время подъ вліяніемъ ученій такъ называемой исторической школы взгляды на этотъ предметъ сильно измѣнились и любопытно, хотя-бы въ краткихъ чертахъ, отмѣтить исторію ихъ развитія.

Политическая экономія возникла около конца XVI вѣка, въ томъ періодѣ человѣческой жизни, когда просвѣщенный абсолютизмъ достигалъ апогея своего вліянія. Правители смотрѣли на себя, какъ на собственниковъ подвластной имъ территоріи. Они были безграницными владыками крѣпостнаго народа и все должно было безмолвно и безпрекословно повиноваться ихъ приказу, ихъ военнымъ и другимъ затѣямъ. Какъ это ни странно, но и сами народы въ это время вѣрили, будто-бы при посредствѣ всепроникающей регламентаціи жизни можно достигнуть всеобщаго счастья и благосостоянія.

Первые экономисты—теоретики этой эпохи стали смотрѣть съ подобной-же точки зрѣнія на организацію хозяйственной жизни

народовъ. Народное хозяйство было, по ихъ мнѣнію, не болѣе, какъ простою совокупностью частныхъ хозяйствъ. Во главѣ каждаго изъ послѣднихъ стоитъ домовладыка, распоряженіямъ котораго все подчиняется. Тотъ-же порядокъ въ народномъ хозяйствѣ долженъ создавать правитель.

Всѣ сочиненія меркантилистовъ дышатъ вѣрой въ возможность организациі хозяйственной жизни и стараются дать рядъ практическихъ указаній; приложение которыхъ къ жизни должно способствовать развитію матеріальной производительности и богатства родной страны. Любопытно, что Д. Стеартъ, главный систематикъ меркантилизма, писавшій къ тому же не задолго до появленія труда Адама Смита въ неприкосновенности воспроизводитъ основную точку зрѣнія своихъ предшественниковъ.

«Хозяйство, говоритъ онъ <sup>1)</sup>, есть особое искусство удовлетворять потребностямъ семьи съ наибольшимъ благоразуміемъ и бережливостью. Оно должно имѣть руководителя, который въ хозяйствѣ занимаетъ въ одно и то же время положеніе собственника и управляющаго; какъ собственникъ, руководитель устанавливаетъ, законы для своего хозяйства, какъ управляющій, онъ приводитъ ихъ въ исполненіе. То, чѣмъ является хозяйство для отдѣльной семьи, для государства выражается въ политической экономіи... Но, продолжаетъ Стеартъ, государственнн дѣлатель не можетъ устанавливать по произволу ту форму хозяйства, которая ему нравится; великое искусство политической экономіи заключается въ умѣніи такъ приспособлять различныя мѣропріятія къ духу, образу жизни, привычкамъ и нравамъ народа, чтобы, подготовивъ основанія для измѣненія ихъ, явилась возможность затѣмъ вводить новыя и болѣе полезныя учрежденія». «Политическая экономія во всякой странѣ должна имѣть своеобразный характеръ; задача государственнаго дѣлателя—судить о необходимости той или иной системы хозяйства и постепенно такъ преобразовать умы своихъ подданныхъ, чтобы они, подъ приманкой личнаго интереса, содѣйствовали выполненію его плана» <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> См. Sir James Steaurt. An Inquiry into the Principles of Political Economy, being an Essay on the Science of domestic Policy in free Nations 2 v. London 1768 г., введение.

<sup>2)</sup> Представленіе о законѣ политической экономіи пошло, такимъ образомъ, чисто юридическій характеръ.